

■ Социология молодёжи

А. Л. Темницкий

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ОПТИМИЗМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ РОССИИ

DOI: 10.19181/snsp.2016.4.4.4760

Темницкий Александр Лазаревич – кандидат социологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. Россия, Москва, 119454, Проспект Вернадского, 76; старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: taleksandr@list.ru

Тел.: +7 (926) 967 29 21

Аннотация. В статье выделяются и содержательно рассматриваются различные виды оптимизма: эмоциональный, экономический, социальный, гражданский. Проведен сравнительный анализ выделенных видов оптимизма молодёжи (18–30 лет) с представителями средней (31–50) и старшей по возрасту (51 год и старше) групп. Информационной базой для статистического анализа послужили данные Европейского социального исследования 2012 г., двух общероссийских репрезентативных опросов 4000 россиян, проведённых Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. и марте 2016 г. Выявлен достаточно высокий уровень оптимизма в жизни российской молодёжи, его отличие от оптимизма молодёжи на Западе. Определено, что наиболее существенные отличия оптимизма молодёжи от других возрастных групп обусловлены эмоциональным настроением. Вместе с тем показано, что эмоциональный оптимизм является производным от материального положения – соответственно, он не является самостоятельным фактором конструктивной активности молодёжи. Социальный и гражданский оптимизм связываются в большей мере с консервативной перспективой России, конформистской позицией и оценками в отношении институтов власти, проводимой политики. Фактор возраста здесь не играет существенной роли. Более высокий уровень экономического оптимизма молодёжи объясняется улучшением материального положения, достигнутым за три предкризисных года (2012–2014 гг.).

Ключевые слова: оптимизм в жизни, оптимизм эмоционального настроения, экономический оптимизм, социальный оптимизм, гражданский оптимизм, российская молодёжь.

Рост исследовательской активности в обращениях к российской молодёжи как актуальному объекту социологических исследований в последнее десятилетие вполне объясним. Во взрослую жизнь входит поколение, не имевшее жизненного опыта советского времени. Его становление происходило в более благоприятных экономических и социальных условиях, чем в 1990-е годы. В первое десятилетие нового века сложились весьма привлекательные условия для получения высшего образования, занятости в многочисленных филиалах международных частных компаний, работы в современных бизнес-центрах, освоения новых постиндустриальных профессий, досуга во всевозможных клубных образованиях, заня-

тий спортом в фитнес-центрах, возможности отдыха за границей и многое другое, ранее недоступное. Не вдаваясь в конкретизацию указанных форм, можно уверенно утверждать, что по сравнению с советским временем и периодом адаптации к рынку в 1990-е годы потенциал свободы и разнообразия для повседневной жизни стал неизмеримо выше. Другое дело, что доступность указанных и весьма привлекательных для молодёжи форм жизнеустройства, обусловленная чрезмерно высоким уровнем социального неравенства в России, весьма далека от ожидаемой. В связи с этим вполне обоснованно сложившееся противоречие между богатыми и бедными называют классовым, проецируемым молодёжью на отношения между властью и народом [Россия и Китай... 2014: 30].

Возможно под влиянием указанного доминирующего и весьма значимого противоречия и связанного с ним высокого уровня неудовлетворённости молодёжи условиями своей жизни предметный ракурс исследований, выполненных после начала нулевых годов, по-прежнему смещён в сторону выявления форм и степени распространённости молодёжных девиаций и способов их преодоления. Молодёжь, её социализация и положение рассматриваются сквозь призму новых усложняющихся рисков и неопределённости [Чупров, Зубок, Уильямс 2003; Кравченко 2016] и аномии [Зарубина 2016]. Распространёнными предметами анализа являются молодёжная наркомания [Шереги, Арефьев 2003] и молодёжный экстремизм [Чупров, Зубок, 2009]. Молодёжь традиционно рассматривается как объект управления, государственного воздействия и весьма редко как потенциальный и реальный социальный актор. В условиях политического затишья начала 2000-х годов «консервативная часть обществоведов вновь направила свои усилия на изучение форм государственного регулирования поведения молодёжи, излагая свои предложения в основном в форме докладов для органов государственной власти» [Россия и Китай... 2014: 27–28]. Причём большинство направлений деятельности и предлагаемых мер государственного регулирования в отношении молодёжи, судя по содержанию Федеральной целевой программы «Молодёжь России» на 2011–2015 гг., сориентированы преимущественно на её проблемную часть. С момента украинского кризиса 2014 г. и обострения геополитической ситуации в мире резко возросло количество публикаций по патриотическому воспитанию молодёжи. Так, по данным РИНЦ, за период с 2014 по 2016 г. понятие патриотического воспитания молодёжи в названиях публикаций статей в журналах, книг, материалов конференций, диссертаций встречалось 535 раз, что превышает частоту использования этого понятия за весь предшествующий период с начала 2000-х годов.

Изучение положения молодёжи в свете роста рисков и неопределённости в обществе, аномии, которая стремится стать нормальной для сложного социума [Кравченко 2014], объективно выводит нас на проблемы старых и новых девиаций, иждивенчества и безответственности и, как следствие, поиска путей государственного воздействия и регулирования. Иное видение молодёжи возможно, если оттолкнуться от её более успешной части, уверенной в своём настоящем и будущем, демонстрирующей жизненный оптимизм. Понятие «оптимизм», в самом общем смысле толкуемое как стиль жизни, характеризующийся верой в успех, светлое будущее [Optimism 2001; Кравченко 2012: 399], намного реже встречается в публикациях современных обществоведов России, посвящённых молодёжи, например, по сравнению с экстремизмом. По данным РИНЦ, за период с 2000 по 2016 г. оно упоминалось всего 7 раз, тогда как экстремизм – 181. Предполагается, что обращение к феномену молодёжного оптимизма позволит выйти на скрытый в нём потенциал субъектности, т. е. активно-деятельностных сторон поведения, найти конструктивные составляющие общественного развития в целом.

Эмпирическими основаниями предметного анализа оптимизма современной молодёжи являются данные многочисленных социологических исследований, подчеркивающие его молодёжную специфику. Выводы о преобладании у молодёжи оптимистической перспективы над пессимистической стали заметными уже с середины 1990-х годов. Отмечается, что почти половине молодёжи (46%) нравится жить в современной России [Здравомыслов 1998: 22]. Молодые люди в значительно меньшей степени испытывают чувства тревоги, апатии, чем старшее поколение, у них более высокий жизненный тонус, который позволяет им психологически легче переживать трудности, чаще пребывать в хорошем настроении. Примечательно, что попутно отмечается более высокий уровень ориентации молодёжи на свои силы, на их убеждённость в том, что материальных успехов люди должны добиваться сами, по сравнению с людьми зрелыми и пожилыми [Горшков, Тихонова, Шереги 1998: 506]. Сопровождение указаний на более высокий уровень оптимизма молодёжи и одновременно ориентации на себя, свои силы при решении собственных проблем и достижении успеха стало более заметным в исследованиях, проведённых в начале 2000-х годов. «Большинство молодых россиян, по данным исследования 2006 г., считают, что условия их жизни улучшились, и их благосостояние в ближайшие годы вырастет, 60% из них смотрят в будущее спокойно и уверенно, при этом они не ждут многого ни от властей, ни от общества» [Даффлон 2008: 29–30].

Предкризисные исследования (до 2015 г.) в сравнительном анализе с данными 1990-х годов демонстрируют заметно возросший уровень оптимизма молодёжи. Так, указывается, что сейчас молодые люди более чем в два раза чаще заявляют о том, что сегодняшняя жизнь им нравится [Горшков, Шереги, 2014: 385]. Оптимизм рассматривается как совершенно естественное состояние современного студенчества, породивший поколение уверенных людей. «Если

в 1991 году отмечали, что смотрят в будущее «с надеждой и оптимизмом» 34% студентов, то в 2013 году – 58%» [Овсянников 2015: 95]. В небольших по объёму локальных исследованиях отмечается, что лишь 5% молодых вологжан смотрят в будущее без оптимизма [Головчин, Леонидова 2014: 121]. Вместе с тем следует учитывать, что оптимизм молодёжи является во многом противоречивым: в нём, к примеру, находит причудливое сочетание оптимизм в отношении социальных личностных перспектив с пессимизмом в отношении возможностей трудоустройства по получаемой в вузе профессии [Вишневский, Шапко 2006: 31].

Несомненно, оптимизм – атрибутивное свойство молодости, которое может быть основано на недостаточности опыта и знаний, связано с надеждой, что всё в будущем сложится хорошо, тем более, когда вся жизнь впереди, а сталкиваясь с реальностью, быстро проходит, уступает место взвешенным оценкам и рациональному пессимизму. С позиций социальной психологии дихотомия оптимизм/пессимизм чаще рассматривается как врождённое свойство личности, или как результат первых этапов социализации [Freedman 1978]. Допуская правомерность подобных суждений, мы исходим из социологического видения данного феномена, выделяем прежде всего его социальные и культурные составляющие. Оптимизм при таком подходе применительно к докризисному времени (2015 г.) рассматривается как сложившаяся данность, результат гармоничного сочетания культурно-личностных устремлений, взглядов и позиций молодёжи с социальными регуляторами поведения. С позиций диалектики социокультурного подхода оптимизм и его антипод пессимизм могут быть взаимообратимыми [Темницкий 2011: 155]. До начала либеральных реформ (1992 г.) первенствовал как данность идеологически выраженный оптимизм, с началом реформ его влияние падает, сохраняясь как культурное качество отдельных групп людей; а пессимизм, напротив, стал социальным фактом, управляющим поведением больших социальных групп людей. Соответственно, в конъюнктурной социологии интересоваться исчезающим оптимизмом стало почти так же «не модно», как ещё недавно его альтернативой [Кесельман, Мацкевич 1998: 39–54]. Будучи заметным явлением в первом десятилетии 2000-х годов, оптимизм стал рассматриваться как компонент инновационного процесса. Выделяются несколько эффектов позитивного вклада оптимизма в инновационное развитие: 1) для оптимиста при прочих равных условиях горизонт планирования будет всегда больше, чем для пессимиста; 2) оптимист, как правило, менее чувствителен к ошибкам в своих ожиданиях (он, как правило, переоценивает будущий экономический эффект, тогда как у пессимиста ошибка тяготеет к отрицательным

значениям, ибо он постоянно перестраховывается); 3) систематические положительные ошибки в прогнозах приводят к тому, что в последующих проектах пессимист будет придерживаться более скромного горизонта планирования, и это будет уменьшать и его собственную инновационную восприимчивость, и инновационность всей экономики. У оптимиста подобного рода ошибки не ведут к автоматическому отторжению инноваций, и он продолжает надеяться на лучшее, сохраняя больший горизонт планирования [Балацкий 2010: 11].

Сохранился ли выявленный ранее потенциал оптимизма в кризисный период (2015–2016 гг.)? Имеет ли оптимизм молодёжи существенные отличия от оптимизма людей зрелого и пожилого возраста? Какие из факторов в большей мере определяют и повышают конструктивный для общества и личности потенциал оптимизма молодёжи: эмоционального настроения, материального обеспечения, социальных перспектив или возможностей гражданского влияния? Как сегодня связаны у молодёжи чувство оптимизма и ориентация на свои силы в достижении жизненного успеха? Эти и другие вопросы рассматриваются нами на материалах общероссийских репрезентативных опросов 4000 респондентов, проведённых Институтом социологии РАН в октябре 2015 и марте 2016 гг. Кроме того, для сравнения особенностей оптимизма молодёжи России с их ровесниками в Европе используются данные Европейского социального исследования 2012 г.

Исходя из поставленных вопросов, целью предлагаемого анализа является установление набора и содержания социокультурных факторов, оказывающих определяющее влияние на состояние оптимизма молодёжи России.

Предполагается, что в настоящее время активистско-деятельностная компонента оптимизма молодёжи будет уступать его лояльно-конформистским основаниям.

Отличительные особенности российского оптимизма

Несомненно, что оптимизм обусловлен молодостью. Но влияние возраста на оптимизм в жизни во многом зависит от социокультурных характеристик. Так, по данным Европейского социального исследования 2012 г., обнаруживаются существенные различия между принадлежностью к стране проживания и уровнем оптимизма в жизни в зависимости от возраста. В России, наряду с такими странами, как Болгария и Украина, возраст является сильно дифференцирующим фактором оценок оптимизма; а в Швейцарии, Финляндии он вовсе не значим. В России существенные различия в оценках оптимизма в зависимости от возраста (по критерию множественного сравнения Тамхейна) наступают уже после 30 лет жизни. Также, пусть и не столь сильно, у россиян заметно, что с возрастом уверенность в возможности самостоятельно решать, как жить, снижается, тогда как, к примеру, в Финляндии возраст не выполняет дифференцирующей функции (см. таблицу 1).

Таблица 1

Уровни оптимизма и самостоятельности в жизни у жителей России и Финляндии в зависимости от возраста, 2012 г., средние значения (минимум 1, максимум 5)¹

Группы по возрасту, лет	Смотрят на жизнь с оптимизмом		Верят, что сами могут решать, как им жить	
	Россия	Финляндия	Россия	Финляндия
18–30	4,0	3,8	4,1	4,3
31–40	3,9	3,9	4,0	4,2
41–50	3,8	3,9	4,0	4,1
51–60	3,6	3,9	3,9	4,2
60 и старше	3,4	3,9	3,8	4,3
F-статистика Фишера	33,9	1,0	9,3	1,9
Количество ответивших, чел.	2370	2110	2396	2107

Итак, в России, так же, как в Болгарии и Украине, с возрастом снижаются уровни оптимизма, а в Финляндии и ряде других стран (Швейцарии, Норвегии, Германии) такой закономерности не наблюдается. Похожая тенденция, но на более слабом уровне, проявляется и в отношении оценок самостоятельности в жизни. Между оценками оптимизма и самостоятельности в жизни у россиян имеется значимая корреляция ($r=0,334$), которая носит симметричный характер (т. е. нельзя утверждать, что если смотрят на жизнь с оптимизмом, то верят, что сами могут решать, как им жить). Последовательное снижение оптимизма у россиян с возрастом и сохранение его на одном и том же уровне у жителей Финляндии могут рассматриваться как показатель сохранения традиционности российского общества.

Что же скрывается за более высоким уровнем оптимизма в жизни российской молодёжи в сравнении с представителями старших возрастных групп: завышенная самонадеянность молодых либо их большая уверенность в жизни, а может быть, он высок потому, что после 30 лет теряются основания для оптимизма? Возможно, многое объясняется «достаточно высокой амбициозностью российской молодёжи, которая сочетается с выраженным прагматизмом и реализмом» [Андреенкова 2011]. Но может быть и более простое объяснение: «Молодёжь значительно лучше приспособилась к условиям рынка, чем представители старшего поколения. Тогда как поколение, сформировавшееся в условиях социализма, и идеологически, и профессионально с трудом адаптируется к рыночным условиям» [Россия и Китай... 2014: 31]. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. В любом случае предполагается, что это далеко не только психологическое свойство молодёжи.

Так, по данным исследования общероссийского репрезентативного опроса 4000 россиян (март 2016 г.), было установлено, что работающая молодёжь России, несмотря на более низкий по сравнению с представителями среднего и старшего поколений уровень самостоятельно получаемого дохода, более высоко оценивает

¹ Используются данные Европейского социального исследования 2012 г. Официальный сайт European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/>.

свое положение практически по всем сторонам жизни, что может рассматриваться, скорее, как показатель их оптимизма, чем реального состояния уровня дохода (см. таблицу 2).

Таблица 2

Оценка респондентами своего положения в зависимости от возраста,
март 2016 г., доля давших оценки «хорошо», %

Считают, что...	Группы по возрасту, лет		
	18–30	31–50	51 и старше
Хорошо материально обеспечены	58	47	34
Хорошо питаются	94	89	76
Хорошо одеваются	86	76	60
Имеют хорошее здоровье	94	87	23
Имеют хорошие жилищные условия	81	76	82
Имеют хорошие отношения в семье	96	96	94
Имеют хорошие возможности для проведения досуга	71	58	45
Хорошая ситуация на работе	73	67	50
Имеют хорошие возможности для отдыха в период отпуска	53	41	31
Имеют хорошие возможности для общения с друзьями	96	94	89
Имеют хорошие возможности реализовать себя в профессии	70	70	44
Имеют хорошие возможности для получения образования и знаний	75	56	43
Место, регион, в котором живут, – хорошие	77	81	82
Их положение, статус в обществе – хорошие	90	86	69
Уровень личной безопасности – хороший	90	85	73
Экологическая ситуация в том месте, где живут, – хорошая	63	54	52
Имеют хорошие возможности для выражения своих политических взглядов	72	68	64
Жизнь в целом складывается хорошо	94	88	76
Количество опрошенных, чел.	1047	1550	1403

За исключением оценки экологической ситуации места проживания, все остальные различия в зависимости от возраста носят статистически значимый характер на уровне $p \leq 0,01$. Заслуживает отдельного внимания сравнительно высокая оценка молодёжью своего статуса в обществе (90%) при более низком статусе социально-профессиональной принадлежности (среди молодых респондентов существенно меньше специалистов с высшим образованием, высококвалифицированных рабочих в сравнении со средним поколением).

Всё же определение оптимизма лишь по оценкам своего положения нельзя рассматривать как основательное, скорее оно носит интерпретационный характер, возможно – отражает позитивный жизненный настрой молодёжи. Для

более полного рассмотрения оптимизма и его факторов выделим его основные виды: эмоциональный, экономический, социальный и гражданский.

Оптимизм эмоционального настроения

Социологическое измерение повседневного эмоционально-психологического состояния посредством опроса выводит нас на уровень выявления общественного настроения по отношению к переживаемой в данный момент жизненной ситуации, тех чувств и эмоций, которые при этом возникают. В таком понимании эмоциональное настроение может рассматриваться как форма реагирования на происходящие в обществе изменения, затрагивающие повседневную жизнь личности. В кризисной ситуации не только такие эмоциональные чувства, как ощущение эмоционального подъёма, но и чувства спокойствия и уравновешенности могут рассматриваться как показатели оптимистического настроя на жизнь, тогда как ощущение тревоги и чувство раздражения могут оцениваться как показатели пессимизма. Чувство спокойствия и уравновешенности оказалось доминирующей характеристикой настроения россиян в 2015 и 2016 гг. (45 и 43% соответственно), ощущение тревоги не покидало 28% в оба года исследования, апатия и безразличие – 12%, чувство раздражения несколько возросло (7 и 9%), а ощущение эмоционального подъёма снизилось (5 и 4%). Остальные характеристики настроения (чувства озлобленности и агрессии) не набрали и 3%. Как выяснилось в ходе анализа, показатели эмоционального оптимизма или пессимизма, согласно предложенной интерпретации ответов¹, существенно различаются в зависимости от возрастной когорты по каждому из годов опроса (см. таблицу 3).

Характерно, что изменения в настроении за промежуток в неполные полгода между двумя исследованиями были замечены только у молодёжи. Некоторое (на 4%) снижение оптимистического настроения и, соответственно, рост пессимизма могут указывать на то, что молодёжь чётче идентифицирует свои переживания и более чутко реагирует на изменения в жизненной ситуации.

В измерении эмоционального настроения важно учитывать релятивный компонент, т. е. как человек соотносит свои чувства с психологическим состоянием тех людей, которые чаще всего окружают его в повседневной жизни (родственники, друзья, коллеги по работе).

¹ Из всего набора ответов по вопросу, заданному в альтернативной форме, использовались только те, которые мы рассматриваем как индикаторы оптимизма и пессимизма.

Анализ соотношения ответов о своём обычном настроении и настроении ближайшего окружения показал, что молодые оптимисты намного чаще подчёркивают, что для их ближайшего окружения характерны состояния спокойствия и уравновешенности (примерно три четверти), по сравнению с молодыми пессимистами (таковых оказалось чуть более 10%). В целом оптимизм либо пессимизм в оценках своего настроения переносится на оценки настроения ближайшего окружения.

Таблица 3

Характеристика респондентами повседневного
эмоционально-психологического состояния в зависимости от возраста, 2015–2016 гг., %

Характеристика	2015			2016		
	Группы по возрасту, лет					
	18–30	31–50	51 и старше	18–30	31–50	51 и старше
Оптимистическое						
Чувствуют себя спокойно и уравновешенно либо ощущают эмоциональный подъём	76	55	49	72	56	49
Пессимистическое						
Чувствуют тревогу либо раздражение	24	45	51	28	44	51
Коэффициент Крамера	0,215			0,214		
Количество ответивших, чел.	891	1362	1143	664	971	917

Переходит ли эмоциональное настроение оптимизма в настрой, т. е. желание и готовность проявлять ту или иную активность? В качестве критериального здесь может быть использован вопрос о готовности предпринять те или иные формы активности в ситуации возможной затяжки экономического кризиса и ухудшения материального положения. Как выяснилось в ходе анализа, среди молодых оптимистов существенно реже, чем среди молодых пессимистов, проявляется готовность сменить профессию (10 и 20% соответственно), сократить расходы и начать экономить (49 и 63%), поменять место работы (20 и 27%) и чаще нежелание что-либо предпринимать (10 и 4%). Не выявлено различий в готовности искать дополнительные заработки (56 и 58%). Характерно, что сравнение эмоциональных оптимистов и пессимистов среднего и старшего возрастов вовсе не выявило каких-либо значимых различий, за исключением более выраженного нежелания оптимистов предпринимать какие-либо действия. Полученные данные позволяют утверждать, что за эмоциональным оптимизмом скрывается более высокий уровень материальной обеспеченности. Проверка указанной гипотезы показала, что в наибольшей мере эмоциональный оптимизм определяется материальным обеспечением (коэф. Крамера – 0,366), тем, как питаются (0,349), как одеваются (0,341). Во всех связях оптимистическое настроение оказывается зависимой переменной (по коэф. на-

правленной связи Лямбда). Содержание выявленных связей характерно для всех возрастных групп. Объективным подтверждением данного факта является более высокий уровень среднемесячного дохода на члена семьи, а также собственного дохода у оптимистов всех возрастных групп по сравнению с пессимистами.

Таким образом, оптимизм в эмоциональном настроении является производным от материального положения, уровня получаемых доходов, что не позволяет говорить о нём как возможном самостоятельном факторе конструктивной активности молодёжи.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ

Оптимизм соотносится прежде всего с будущим, с позитивными ожиданиями в изменении собственного положения, положения своего окружения, страны. В этой связи индикаторами экономического оптимизма могут являться ожидания улучшения в изменении своего материального положения в ближайший год. Эти оценки существенно различаются в зависимости от возраста (см. таблицу 4).

Таблица 4

Оценки респондентов перспектив изменения в материальном положении на ближайший год в зависимости от возраста, 2015–2016 гг., %

Оценки	2015			2016		
	Группы по возрасту, лет					
	18–30	31–50	51 и старше	18–30	31–50	51 и старше
Должно улучшиться	34	23	11	26	18	10
Скорее ухудшится	24	39	44	34	42	48
Останется без изменений	42	38	45	40	40	42
Коэффициент Крамера	0,167			0,118		
Количество ответивших, чел.	1030	1543	1277	1042	1532	1391

По сравнению с ноябрем 2015 г. к марту 2016 г. заметно возрос уровень пессимистических ожиданий у всех возрастных групп, причём наиболее заметно (на 10%) – у молодёжи. Тем не менее четверть молодых россиян надеется на улучшение своего материального положения в ближайший год, что заметно выше, чем среди представителей средней и старшей возрастных групп.

Чем определяется более высокий уровень экономического оптимизма молодёжи, имеет ли он какие-то специфические черты? Прежде всего, он связан с текущим уровнем доходов, причём в большей мере оптимистические ожидания повышает величина доходов семьи, а не своего собственного. Это уточнение характерно для молодёжи и средней по возрасту группы, но не для тех, кому старше 50 лет. У последних позитивные ожидания в большей мере основываются на

собственном доходе. Однако более весомым фактором роста оптимистических ожиданий в отношении своего материального положения стал аккумулированный достаток прошлых лет. По данным опроса 2015 г., среди тех, кому удалось за последние три года открыть своё собственное дело, повысить уровень своего материального благосостояния, более половины (57 и 53% соответственно каждому из указанных достижений) продемонстрировали оптимистические ожидания против 22% в целом по выборке. Также доли оптимистически настроенных в отношении изменения своего материального положения превысили доли тех, кто в лучшем случае посчитал, что оно не изменится, если отмечались факты улучшения жилищных условий, повышения в должности на работе. Обнаружить существенного влияния других факторов на приращение экономического оптимизма не удалось. Для молодёжи фактор достижения высокого уровня материального положения за последние три года оказался решающим и существенно превышающим его значения у других возрастных групп. Так, среди 18–30-летних респондентов 69% отметили улучшение материального положения и указали на хорошие перспективы по его дальнейшему позитивному изменению, тогда как среди 31–50-летних – 47%, а старше 50 лет – 32%. Следует уточнить, что столь радужные ожидания характерны прежде всего для молодых работников финансовых, страховых компаний и торговли, а также для студентов. Последнее указывает на то, что при ответе учитывались достигнутые изменения в материальном положении семьи.

Таким образом, ведущим фактором экономического оптимизма, как и следовало ожидать, стали прежние достижения в улучшении материального положения.

Социальный оптимизм

Под социальным оптимизмом будем понимать уверенность людей в успешном развитии общества, благодаря чему будут созданы благоприятные условия для реализации их жизненных планов. «Если общество имеет перспективы развития, движется в желательном направлении, то и мне будет хорошо в нём жить», – так примерно рассуждает социальный оптимист, в отличие от оптимиста экономического. Последний, скорее, живёт надеждой на свой собственный успех, его достижение будет придавать ему ощущение удовлетворённости вне зависимости от перспективы общественного развития. Это не означает, что чувства экономического и социального оптимизма находятся между собой в обратной корреляции. Математическая корреляция между ними, скорее всего, будет положительная, и даже весьма ощутимая. Предполагается, что разделительная линия произойдёт в отношении ответов на вопросы о путях развития России: «должна ли она жить по тем же правилам, что и современные западные страны, или развиваться как особая цивилизация» (суждения использовались в опросе 2015 г.), «нуждается ли страна в переменах, радикальных экономических и по-

литических реформах» или «нуждается в стабильности, постепенных реформах» (суждения использовались в опросе 2016 г.). Экономические оптимисты будут чаще указывать на согласие с первыми суждениями, а социальные – со вторыми. Выдвижение подобных гипотез актуально не потому, что чувства социального оптимизма связываются именно с путями развития России. Скорее всего, социальный оптимизм, как и экономический, в большей мере зависит от уровня доходов и материального благополучия. Здесь более важно разобраться, с какими именно путями развития России связывается её перспектива и играет ли в этих представлениях фактор возраста самостоятельную роль.

Различия в социальном оптимизме в зависимости от возраста не настолько значимы, как в отношении эмоционального и экономического оптимизма, тем не менее они свидетельствуют о большей позитивности в оценках молодёжи перспектив развития России (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Оценки респондентов перспектив развития России в ближайший год
в зависимости от возраста, 2015–2016 гг., %**

Перспективы	2015			2016		
	Группы по возрасту, лет					
	18–30	31–50	51 и старше	18–30	31–50	51 и старше
Россия будет развиваться успешно	26	20	21	23	19	19
Для России наступят трудные времена	41	55	54	45	50	51
В России ничего принципиально не изменится	34	25	25	32	31	30
Коэффициент Крамера	0,085			0,040		
Количество ответивших, чел.	1053	1615	1328	1037	1536	1389

Невысокая сила связи между возрастом и оценками перспектив развития России объясняется отсутствием значимых различий в ответах средней и старшей возрастных групп. Нет различий в ответах данных возрастных категорий и в динамике двух опросов. Социальный оптимизм молодёжи снижается. По сравнению с данными 2011 г.¹ доля молодёжи, считающей, что Россия будет развиваться успешно, снизилась в 2016 г. на 7%. Тем не менее, в сравнении с представителями старших возрастных групп, социальный оптимизм молодёжи остаётся более высоким.

Проверка указанных выше гипотез показала, что между чувствами экономического и социального оптимизма существует прямая, но слабая корреляция, которая не зависит от возраста (коэф. Спирмена в 2015 г. – 0,218, в 2016 г. – 0,130).

¹ Исследование Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян». N – 1741 чел.

Социальные оптимисты чаще, чем экономические оптимисты придерживаются суждения, что Россия должна развиваться как особая цивилизация (81 и 75% соответственно), и реже – по тем же правилам, что и современные западные страны (19 и 25%). Также социальные оптимисты чаще, чем экономические оптимисты считают, что страна нуждается в стабильности и постепенных реформах (77 и 71% соответственно), и реже – в переменах, радикальных реформах (23 и 29%).

Таким образом, чувство социального оптимизма связывается в большей мере с консервативной перспективой России. Фактор возраста здесь не оказывает существенного влияния.

Гражданский оптимизм

В условиях ослабления веры и надежд на то, что простые люди могут повлиять на ситуацию не только в масштабах всей страны, но и даже своего региона, местных муниципалитетов, когда выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждёт от власти, от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме» [Петухов 2012: 48], в качестве показателей гражданского оптимизма могут рассматриваться положительные оценки возможного влияния граждан на политику государственных, региональных и муниципальных властей. Предполагается, что за такими ответами могут стоять как позиции гражданской активности, сопровождаемые ориентациями на неконформизм, инициативностью и предприимчивостью, готовностью к борьбе за свои права, так и позиции лояльного конформизма к власти, подкрепляемые достигнутым уровнем материальной комфортности жизни, экономического и социального благополучия.

Лишь незначительная доля респондентов (от 16% в отношении государства в целом до одной четверти – в отношении муниципальной власти) положительно оценивает возможности влияния граждан на политику властей. Тем не менее гражданский оптимизм молодёжи здесь является более заметным по сравнению с представителями среднего и старшего возраста (см. таблицу 6).

Проверка указанных гипотез показала, что оценки гражданского оптимизма (по значениям построенного индекса влияния, рассматриваемого как зависимая переменная) повышаются при более высоком уровне доверия всем институтам политической власти (в наибольшей мере Совету Федерации – коэф. Крамера 0,265; Государственной Думе – 0,200, местному самоуправлению – 0,198, правительству – 0,185). Повышению уровня гражданского оптимизма способствуют смягчённые оценки ситуации в обществе. Если респонденты считают, что напряжение в обществе снижается, то увеличивается значение суммарного индекса влияния на политику (коэф. Крамера – 0,131). При согласии с суждением: «страна идёт в правильном направлении» доля респондентов с максимальным значением индекса влияния доходит до 18% против 3,5% у тех, кто считает, что страна движется в тупик (коэф. Крамера – 0,170). Повышению уровня гражданского оптимизма способствуют положительные оценки присоединения Крыма к России (коэф. Крамера – 0,116), действий россий-

ского руководства по урегулированию ситуации на Юго-Востоке Украины (коэф. Крамера – 0,114). Существенно повышает уровень гражданского оптимизма чувство гордости за страну (коэф. Крамера – 0,140). У респондентов, испытывающих гордость, доля с максимальным значением индекса влияния более чем в 10 раз выше, чем у испытывающих стыд за страну (22 и 1,5% соответственно). Положительно оцениваемая личностная ситуация также способствует росту гражданского оптимизма. У тех, кто считает, что финансовый кризис не нанёс им ущерба, доля с максимальными значениями индекса гражданского оптимизма составила 27% против 7% тех, кто назвал ущерб катастрофическим (коэф. Крамера – 0,119). При оценках складывающейся жизни в целом на «хорошо» доля респондентов с максимальным значением данного индекса оказалась в 3 раза выше, чем среди тех, кто считает, что жизнь складывается плохо, – 18 и 6% соответственно (коэф. Крамера – 0,114).

Таблица 6

Оценка возможности влияния граждан на политику в зависимости от возраста, 2016 г., %

Оценки возможности влиять на политику	Группы по возрасту, лет					
	18–30		31–50		51 и старше	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Государства в целом	20	80	13	87	16	84
Региональных властей	27	73	16	85	18	82
Муниципальных властей	34	66	21	79	22	78
Индекс влияния (среднее)*	0,81		0,49		0,55	
Количество ответивших, чел.	1047		1550		1403	

*Индекс влияния (гражданского оптимизма) строился по методу шкалы суммарных значений ответов. Значение 0 присваивалось ответам «скорее нет», «безусловно нет»; значение 1 – ответам «скорее да», «безусловно да». Диапазон значений индекса: минимум – 0 (оценки «нет» по всем трём показателям влияния), максимум – 3 (оценки «да» по всем трём показателям).

Все выявленные связи характерны в равной мере для контролируемых возрастных групп, найти какие-либо отличительные признаки молодёжи не удалось. Вместе с тем не удалось найти значимых связей при проверке первой стороны гипотезы, предполагавшей рост гражданского оптимизма во взаимосвязи с проявлениями нонконформизма, готовностью отстаивать свои права, в том числе нелегитимными методами: перекрытие дорог, голодовки, несанкционированные митинги, призывы к революционной смене власти и т. п. Несмотря на слабые значения обнаруженных связей, просматривается очевидная тенденция в пользу второй стороны гипотезы. Декларируемый более высокий уровень гражданского оптимизма является производным от лояльно-конформистской позиции и оценок респондентов в отношении институтов власти, проводимой политики, своего более благополучного материального положения в целом.

Таким образом, кризисные условия жизни подтачивают основания сформированного в «тучные» годы оптимизма материальных достижений. Наиболее чутко и болезненно на это реагирует молодёжь. Воспроизводству оптимизма

будут способствовать изменения в лучшую сторону условий для заработка, а также высокая степень идентификации с проводимой политикой по укреплению самобытной позиции России.

Список литературы

- Андреевкова А. В. Их настоящие мечты. 2011. [Электронный ресурс]: ЭкспертOnline. URL: <http://expert.ru/expert/2011/06/h-nastoyaschie-mechtyi/> (дата обращения: 12.08.2016).
- Балацкий Е. В. Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика. — 2010. — № 1. — С. 3–20.
- Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 26–36.
- Головчин М. А., Леонидова В. Л. Социокультурные характеристики современной молодёжи: некоторые результаты пилотного исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 5. — С. 113–126.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Шереги Ф. Э. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный облик российской молодёжи // Вестник РАН. — 1998. — Т. 68. — № 6. — С. 504–510.
- Даффлон Д. Молодёжь России. Портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения. — 2008. — № 5 (17). — С. 19–35.
- Зарубина Н. Н. Молодёжь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России // Общественные науки и современность. — 2016. — № 2. — С. 52–63.
- Здравомыслов А. Г. Молодёжь России: что она ценит, что умеет? // Вестник общественного мнения. — 1998. — № 4. — С. 21–22.
- Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. — 1998. — № 1/2. — С. 39–54.
- Кравченко С. А. «Нормальная анония»: контуры концепции // Социологические исследования. — 2014. — № 8. — С. 3–10.
- Кравченко С. А. Социология риска и безопасности. — М.: Юрайт, 2016. — 302 с.
- Кравченко С. А. Социологический толковый англо-русский словарь / С. А. Кравченко; под ред. Н. Н. Зарубиной. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — 690 с. — (Энциклопедии и словари МГИМО).
- Овсянников А. А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. — 2015. — № 1. — С. 78–97.
- Петухов В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. — 2012. — № 1. — С. 48–60.
- Россия и Китай: молодёжь XXI века. — М.: Новый Хронограф, 2014. — 424 с.
- Темницкий А. Л. Социокультурное: от нерасчлennного понятия к дуальным оппозициям [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. — 2011. — № 3. — С. 141–163. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=146&at=a&pid=> (дата обращения: 27.08.2016).
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. 2-е изд. — М.: Наука, 2003. — 160 с.

Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – М.: Academia, 2009. – 320 с.

Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Наркотизация в молодёжной среде: структура, тенденции, профилактика. – М.: ЦСП, 2003. – 600 с.

Optimism and Pessimism: Implications for Theory, Research and Practice / Ed. by E. S. Chang. – Wash., 2001.

Freedman J. Happy people: What happiness is, who has it, and why. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1978. – P. 26–72.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2016

DOI: 10.19181/snsp.2016.4.4.4760

Social and Cultural Factors of the Optimism of the Youth in Russia

Temnitskiy Aleksandr Lazarevich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia. Prospekt Vernadskogo, 76, 119454, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo, 24/35, korp. 5., 117218, Moscow, Russia. E-mail: taleksandr@list.ru

Abstract. The article identifies and describes in details different types of optimism: emotional, economic, social, and civil. The comparative analysis of the identified types of optimism of the youth (18–30 year-olds) with representatives of average (31–50) and senior (51+) age categories was carried out. The basis for the statistical analysis was the data of the European social research of 2012, two all-Russian representative surveys of 4000 Russian citizens conducted by Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences in October 2015 and March 2016. It was established that young Russians have a rather high level of optimism as compared to their peers in the West. It became clear that the most essential differences of the nature of optimism of young and older people lie in their emotional mood. At the same time it was revealed that emotional optimism is derivative of financial position, and for this reason it is not an independent factor of constructive activity of the youth. Social and civil optimism are most often linked to Russia's conservative prospect, the conformist approach, and perception of the government and the current policy. The age factor does not play an essential role here. Higher level of economic optimism of the youth is explained by their improved financial position obtained over the last three years (2012–2014).

Keywords: life optimism, emotional mood optimism, economical optimism, social optimism, civil optimism, Russian youth.

REFERENCES

Andreenkova A. V. 2011. Ih nastojashhie mechty. [*Their real dreams*]. [Elektronnyy resurs]: ExpertOnline. URL: <http://expert.ru/expert/2011/06/h-nastoyaschie-mechtyi/> (data obrashhenija: 12.08.2016). (In Russ.).

Balackij E. V. Rol' optimizma v innovacionnom razvitii ekonomiki. [*The role of optimism in the innovative development of the economy*]. *J. Obshhestvo i ekonomika*. – 2010. – № 1. – S. 3–20. (In Russ.).

Chuprov V. I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska. [*Young people in risk society*]. 2-e izdanie. — M.: Nauka, 2003. — 160 s. (In Russ.).

Chuprov V. I., Zubok Ju. A. Molodezhnyj ekstremizm: sushhnost', formy projavlenija, tendencii. [*Youth extremism: essence, forms of manifestation, trends*]. — M.: Academia, 2009. — 320 s. (In Russ.).

Golovchin M. A., Leonidova V. L. Sociokul'turnye harakteristiki sovremennoj molodjzhi: nekotorye rezul'taty pilotnogo issledovanija. [*Socio-cultural characteristics of today's youth: selected findings of a pilot study*]. J. Eonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2014. — № 5. — S. 113–126. (In Russ.).

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Sheregi F. E. Zhiznennye plany, cennostnye orientacii i moral'nyj oblik rossijskoj molodezhi. [*Life plans, value orientations and moral character of Russian youth*]. J. Vestnik RAN. — 1998. — T. 68. — № 6 — S. 504–510. (In Russ.).

Dafflon D. Molodezh' Rossii. Portret pokolenija na perelome. [*The Youth Of Russia. The portrait of a generation at the turn of the*]. J. Vestnik obshhestvennogo mnenija. — 2008. — № 5 (17). — S. 19–35. (In Russ.).

Kesel'man L. E., Mackevich M. G. Individual'nyi ekonomicheskij optimizm/pessimizm v transformirujushemsja obshhestve. [*Individual economic optimism/pessimism in a transforming society*]. J. Sotsiologiceskii zhurnal. — 1998. — № 1/2. — S. 39–54. (In Russ.).

Kravchenko S. A. «Normal'naja anomija»: kontury koncepcii. [*Normal anomia: the contours of the concept*]. J. Sociologiceskie issledovanija. — 2014. — № 8. — S. 3–10. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Sociologija riska i bezopasnosti. [*Sociology of risk and security*]. — M.: Jurajt, 2016. — 302 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Sociologiceskij tolkovyj anglo-russkij slovar'. [*Sociological explanatory English-Russian dictionary*]. — M.: MGIMO-Universitet, 2012. — 690 s. (In Russ.).

Ovsjannikov A. A. Novoe pokolenie: dolgaja doroga v poiskah novyh idealov i smyslov zhizni. [*New generation: the long road in search of new ideals and senses of life*]. J. Sociologiceskaja nauka i social'naja praktika. — 2015. — № 1. — S. 78–97. (In Russ.).

Petuhov V. V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoj modernizacii Rossii. [*Civic participation in the context of political modernization of Russia*]. J. Sotsiologiceskie issledovanija. — 2012. — № 1. — S. 48–60. (In Russ.).

Rossija I Kitaj: molodezh XXI veka. [*Russia and China: youth of the XXI century*]. — M.: Novyj Khronograf, 2014. — 424 s. (In Russ.).

Temnickij A. L. Sociokul'turnoe: ot neraschlenjonnogo ponjatija k dual'nym oppozicijam. [*Socio-cultural: from undifferentiated concepts to a dual oppositions*]. [Elektronnyj resurs]. J. Vestnik Instituta sociologii. — 2011. — № 3. — С. 141–163. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=146&at=a&pid=> (data obrashhenija: 27.08.2016). (In Russ.).

Sheregi F. E., Aref'ev A. L. Narkotizacija v molodezhnoj srede: struktura, tendencii, profilaktika. [*Narcotization in the youth environment: structure, trends, prevention*]. — M.: CSP, 2003. — 600 s. (In Russ.).

Vishnevskij Ju. R., Shapko V. T. Paradoksal'nyj molodoy chelovek. [*Paradoxical young man*]. J. Sociologiceskie issledovanija. — 2006. — №6. — S. 26–36. (In Russ.).

Zarubina N. N. Molodezh' v uslovijah anomii: kto primet otvetstvennost' za budushhee Rossii. [*Youth in conditions of anomie: who will take responsibility for Russia's future*]. J. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. — 2016. — № 2. — S. 52–63. (In Russ.).

Zdravomyslov A. G. Molodezh' Rossii: chto ona cenit, chto umeet? [*Youth of Russia: what she appreciates, what can?*]. J. Vestnik obshhestvennogo mnenija. — 1998. — № 4. — S. 21–22. (In Russ.).

Optimism and Pessimism: Implications for Theory, Research and Practice / Ed. by E. S. Chang. — Wash., 2001.

Freedman J. Happy people: What happiness is, who has it, and why. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1978. — P. 26–72.